

Сивакова Н.А. Функции заглавий в повествовательной структуре документальных произведений С. Алексиевич // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2011. – 2 (65). – С. 179 – 181.

УДК 882.6.09

Функции заглавий в повествовательной структуре документальных произведений С. Алексиевич

Н.А. Сивакова

Объектом нашего исследования является документальная проза С. Алексиевич, которая, с одной стороны, включена в общий процесс развития документальной литературы, а с другой – явные особенности её произведений позволяют говорить об их качественном отличии. В современном литературоведении ощущается недостаток исследовательских концепций, позволяющих рассматривать творчество Алексиевич как некое целостное явление в его становлении и развитии.

Художественное произведение как целое представляет собой не только изображенный мир, но и высказывание автора об этом мире. Следовательно, формально текст произведения может быть соотнесен, в первую очередь, с единым субъектом речи – автором, который всей структурной организацией обращается исключительно к читателям, а также с различными субъектами речи – героями, которые, включаясь в общий поток повествования, заполняют композиционную схему, составленную автором.

Выскажем предположение, что тексты документальных произведений Алексиевич имеют уровневую организацию: внешняя фрагментарность позволяет свободно вычленять сходные элементы в структурах других произведений и включать их в особую систему чисто смысловых взаимодействий. Данный подход соответствует нашим исследовательским позициям, поскольку изучение документального творчества Алексиевич как художественной системы предполагает «определение состава, структуры и организации элементов и частей системы, обнаружение ведущих взаимодействий между ними, анализ диалектики структуры и функции системы, обнаружение на этой основе закономерностей тенденций развития системы» [1, с.9].

Необходимо отметить, что документальное творчество Алексиевич – динамическая система, претерпевающая постоянные изменения: каждое переиздание книги сопровождается модификациями в структурном и содержательном плане. Возможно, это объясняется снятыми цензурными ограничениями (книги выходят в авторской редакции), а с другой стороны, это подтверждает мысль автора о постоянном развитии документов, которые творятся из «живой» человеческой памяти. С течением времени, по мере перехода в иную историческую реальность, в эстетически преобразованных документальных фактах начинают открываться новые смыслы, о наличии которых не подозревали ни автор, ни его герои. Анализ структурных особенностей мы будем производить на основе двухтомного издания творчества Алексиевич, которое вышло в Москве в издательстве «Остожье» в 1998 году.

На первый взгляд, исследование структурной организации текста документальных произведений Алексиевич не вызывает затруднений, поскольку сам автор выделил в отдельные главы и расположил в определенной последовательности свидетельства различных людей. Границы фрагментов почти всегда совпадают со сменой носителя повествования. По выполняемым функциям фрагменты можно разделить на три группы (уровня). К первой группе относятся элементы *околотекстового* окружения: заглавия произведений и их частей, эпиграфы, предисловия и эпилоги. Они адресованы читателю непосредственно автором, и главный предмет, о котором они информируют, – текст

произведения (всего или части). Второй уровень – *внутритекстовой* – представлен собственно текстами, состоящими из отдельных монологов, являющимися семантически и структурно образованными единицами, связанными с темой повествования, но полностью проявляющими свой потенциал только в составе целого. Одни и те же элементы переходя из текста в текст, организуют различные содержания и структуры либо обеспечивают их варьирование. Эти элементы – мотивы, будучи слагаемыми внутритекстовых связей, оказываются важнейшими составляющими межтекстовых отношений, позволяя нам выделить третий уровень – *межтекстовой*.

Рассмотрим подробнее первый из этих уровней. Элементы, принадлежащие к околотекстовому окружению, занимают в текстуальной организации самые «сильные позиции» - позиции начала и конца. Первый семантически автономный знак, с которым знакомится читатель, - это заглавие, являющееся важным структурным и содержательным элементом в организации всего текста. Несмотря на свою не разрывную связь с текстом, заголовок материально отчужден от него: всегда печатается другим шрифтом, отстоит от первого абзаца на определенном расстоянии, разрешает включение в этот промежуток дополнительных сведений – указания на жанр, эпиграф, посвящения, предисловие и т.п.

В документальном творчестве Алексиевич заглавия обладают повышенной семантической автономностью. В содержательной структуре документального произведения заглавие передает в концентрированной форме основную тему сообщения. Данная функция обуславливает его связь со всем текстом, а также возможность повторной актуализации смысла заглавия после прочтения всего текста. В процессе чтения смысл заглавных слов обогащается дополнительными смысловыми оттенками, что неизбежно приводит к образованию индивидуально-художественного значения. Осознание этого значения читателем происходит ретроспективно, при возвращении к заголовку после завершения знакомства с текстом. В структурной организации заданные в заглавии слова в полной либо модифицированной форме функционируют в тексте, связывая его в единое целое.

Заглавие первой книги «У войны – не женское лицо...» – цитата из романа А. Адамовича «Война под крышами»: «У войны не женское лицо. Но ничто на этой войне не запомнилось больше, резче, страшнее и прекраснее, чем лица наших матерей». Автор ставит в конце многоточие как знак незавершенности – цитата должна быть осмыслена полностью – и вводит в структуру предложения тире, усиливающее отрицание (не женское). Выбор этот не случаен: помимо актуализации огромной контекстуальной информации, заглавие определяет границы темы – женщина на войне. Образ матери, дающей и оберегающей жизнь, сформированный в романе Адамовича, наполняется новым содержанием – главное предназначение женщины так и остается нереализованным. Утраченная способность материнства, нерожденные дети, молодость, жизнь – все отдается во имя победы. Эта идея находит воплощение в тексте не накоплением ужасов и жестокости, а напротив – выделяются детали, подчеркивающие то, что женщина в любых условиях остается собой, сохраняет в своей душе удивительную способность к милосердию. *Милосердие* – слово, дважды повторенное в первом и последнем абзаце, в концентрированном виде вмещает в себя содержание всей книги, задает форму круга. Структура художественного текста «У войны – не женское лицо...» пронизана практически бесконечным числом границ: четко выражены начало и конец произведения, причем первый абзац практически рифмуется с последним. В пределах главы каждое свидетельство отделяется многоточием, сопровождается указанием имени и фамилии, звания и военной специальности героини. Но внешняя дискретность подразумевает внутреннее единство: все изображенные события прочно связаны энергией авторской мысли.

Центральная тема, объединившая все документальные произведения С. Алексиевич, - это тема войны. Даже в тех книгах, где она напрямую не заявлена, присутствие военной тематики ощущается на разных уровнях. В процессе работы над книгами автор открывает для себя неведомый мир, который включает не только героические подвиги, но и обычные человеческие слабости. По ее собственному выражению, став «пленницей зла», она твердо

решила разгадать его природу. Но, даже приобретя некоторое знание о пределах человеческих возможностей, не перестает удивляться бесчисленному разнообразию человеческих судеб и тайн. «Я пишу книгу о войне...» - впоследствии это убеждение будет переосмыслено – «Человек больше войны». Трансформация основной идеи находит отражение и в выборе заглавий для последующих книг: слово «война» больше не будет в них присутствовать.

Жизнь на пределе и за пределами человеческих возможностей будет с особой трагичностью ощущаться в следующей книге «Последние свидетели: сто недетских рассказов». Они действительно *свидетели*, в силу своего малолетнего возраста они не могли быть участниками военных действий. Дети остаются детьми, пока живы их родители, только подойдя к границе, отделяющей жизнь от смерти, они осознают свою миссию – быть *последними*. Заглавие данной книги практически дублируется в последней главе «И мы – последние свидетели...», выполняя таким образом функцию «рамочного» знака, связывающего конец с началом, требующего повторного возвращения к себе и ретроспективного переосмысления. Подобная рама плотным кольцом замыкает разбитое на главы содержание всей книги, не позволяя ей «рассыпаться» на фрагменты и направляя движение интерпретирующей мысли на новый виток смысловой спирали.

Таким образом, в своих первых книгах С. Алексиевич демонстрирует повышенную смысловую значимость заглавных и концевых элементов в составе целого. Круг – это не формальное повторение, это развитие и обновление смысла. Каждая новая книга по-своему развивает и обогащает тему войны, которая неизбежно связана с оппозицией «жизнь – смерть».

Заглавие следующей книги «Цинковые мальчики», являющееся метафорой смерти, указывает на тематический код текста. Данная книга раскрывает сложную и неоднозначную точку зрения автора на проблему войны. Основное содержание книги обрамляют предисловие и послесловие, составленные из дневниковых записей автора. Форма кольца обретает материальные черты на уровне заглавий: «Из дневниковых записей для книги» - «Из дневниковых записей после книги». Но это не единственная «рама» произведения, своеобразие книги заключается в том, что в эпилоге, являющимся и прологом одновременно, вводится новая «точка зрения», которая придает совершенно иное освещение всему предшествовавшему повествованию. Именно через столкновение частей, выражающих различные позиции, актуализируются скрытые смыслы, заложенные автором в произведении. Эта точка организует вокруг себя все художественное пространство, задает циклическую схему, позволяющую открыть для себя все произведение заново в свете «новых» актуализированных фактов.

Книга содержит и материалы суда над Алексиевич, который последовал в 1992 году вслед за публикацией текстов из этой книги и постановкой спектакля «Цинковые мальчики» на сцене Белорусского театра имени Я. Купалы. Автор дает возможность оценить события во всей их сложности и многообразии, увидеть их глазами самых разнообразных людей, часто придерживающихся противоположных мнений. После судебной хроники следует «И еще один эпилог, он же пролог», в котором осуждается сам факт возникновения гражданского процесса над Алексиевич и ее книгой «Цинковые мальчики». Такая тройная «рама» плотным кольцом окружила исповеди участников афганских событий, их голоса как бы «тонут» в общественных оценках и мнениях людей, желающих высказаться. Кольцевой характер композиции, заданный на уровне заглавий частей, перерастает в новую форму. Движение по кругу размыкается и переходит на следующий уровень: круг становится частью спирали, разворачивающейся в бесконечность. Особенность документальных произведений Алексиевич, созданных на основе «человеческих документов», заключается в том, что движение авторской мысли не останавливается даже после их создания. Именно этим обусловлен тот факт, что в структуру текста «Цинковых мальчиков» постепенно включались дополнительные материалы, которые высвечивали в уже созданных образах новые грани.

В четвертой книге «Зачарованные смертью» слово «смерть» вынесено в заглавие и является смысловой доминантой, стягивающей в единый центр семантические векторы каждой отдельной части, озаглавленной как «История...». И в данном случае образ круга присутствует на уровне формообразования и обозначает постоянное «темокружение» вокруг своего тематического центра. Истории следуют друг за другом, и связь, прослеживаемая даже на уровне заглавий, порой обретает настолько значимые формы, что можно говорить о рифме, связующей отдельные части книги.

Таким образом, постоянное повторение приводит к объединению и выделению центров внутри круга. Одни и те же рассказы участвуют в разных тематических центрах, что способствует формированию и развитию микротема:

«История с обмотками, красными звездочками и четвертым сном Веры Павловны» – «История с мальчиком, который писал стихи через сто лет после четвертого сна Веры Павловны».

«История сталинской девочки, при которой боялись рассказывать политические анекдоты, и о том, как в пятьдесят лет она перестала верить в коммунизм в сумасшедшем доме» – «История другой девочки, которая хотела, чтобы ее кто-то любил, ну хотя бы мама».

«История человека, который воевал сорок первым и не думал, что когда-нибудь услышит: «Зачем ты победил? Мы бы сейчас баварское пиво пили...» - «История человека, который воевал в девяносто первом там, куда можно купить билет в любой кассе Аэрофлота».

Содержание каждого отдельного рассказа не сводится к линейно-временному раскрытию сюжета, а представляет собой контрапунктическое сплетение разных в смысловом отношении центров, оно многомерно по своей сути, и в зависимости от контекста центральным становится тот или иной смысловой феномен. Постоянная динамика этой сложно организованной системе сообщается заключительной частью – «Вместо эпилога», подчеркивающей значимое отсутствие эпилога и продолжение движения.

В более совершенном виде данная формальная организация реализована в следующей книге «Чернобыльская молитва», где тематические центры получают четкую композиционную завершенность и будут объединены в три главы, в пределах которых выделяются две части – две тематические линии. Первая содержит в себе законченные монологи, которые начинают повествование в частях: «Земля мертвых» - «Венец творения» - «Восхищение печалью». Завершает повествование хор: «Солдатский хор» - «Народный хор» - «Детский хор», в котором голоса сливаются в единый поток – оглушительный и давящий. Именно хор продлевает и усиливает звучание монологов. «Рамочным» элементом, который оформляет это многоголосие, является «Одинокий человеческий голос», дважды повторенный в начале и в конце. Но это не единственное кольцо, которое организует повествование и придает ему форму. Вместо предисловия – «Историческая справка», и в конце источник постоянного движения – «Вместо эпилога».

Проанализировав функциональные возможности заглавий в предыдущих книгах Алексиевич, можно предположить, что слово «молитва» указывает на тематическое, а не жанровое определение. Молитвенная направленность раскрывается через стремление героев подобрать Слова для выразимых обычных человеческим языком душевных потрясений. В этих монологах, призывах, признаниях, исповедях есть только содержание, форма конструируется автором, который то объединяет голоса в хор, то выводит на передний план «одинокий человеческий голос». В этом жанре, предполагающем говорение из одиночества, персональную, а не персонажную речь, усилия автора направлены на поиск признаков подлинности, адекватности человека самому себе. По словам самой С. Алексиевич, она искала человека «потрясенного», подошедшего к пониманию собственной пограничности, уязвимости, смертности и желающего выговорится, ищущего адекватного собственной смертности Слова. Но в то же время это её «образ времени», и автор стремится придать ему совершенную форму круга – модели мироздания. По словам самого автора: «Те книги, которые я пишу, - это своего рода проза. Это документ и в то же время мой образ времени. Я

собираю подробности, чувства не только из отдельной человеческой жизни, но и из всего воздуха времени, его пространства, его голосов. Я не выдумываю, не домысливаю, а организовываю материал в самой действительности. Документ – это и те, кто мне рассказывает, документ – это и я как человек со своим мировоззрением, ощущением» [2, с.225].

Единство каждой документальной книги Алексиевич как отдельного произведения – это не просто высказывание о мире, и тем более не готовый раз и навсегда найденный смысл, а творческим усилием создаваемое художественное целое и заключенный в нем мир. Этот мир представляет собой внутреннее пространство постоянного поиска смысла, где реальный человек оставляет свой голос как неоспоримое доказательство этого процесса. Но внутреннее единство смысла становится возможным только благодаря внутренней динамике, постоянному развертыванию значений документальных свидетельств, помещенных в это пространство автором. В силу особого эстетического дара, которым наделен автор, в книгу включаются только те факты, в которых субъективное ощущение подлинного смысла может выйти за пределы этого индивидуального опыта и стать фактом сознания других людей, возможно человечества в целом.

Таким образом, в документальном творчестве С. Алексиевич заглавия книг обладают повышенной семантической автономностью, составляют связный текст, который выполняет различные функции: указывает на тему, которая объединила все творчество Алексиевич – тему войны; помогает выделить и соединить различные элементы, стремится к глобальной связности. Заглавия частей книг также являются важным содержательным и структурным элементом. Они не только связаны с темой повествования, но и участвуют в процессе формообразования – кольцевой характер композиции задан на уровне заглавий. Уже на околотекстовом уровне в повествовательную структуру вводятся основные семантически значимые образы – мотивы, которые развернут свое значение на текстовом уровне, а обнаружение взаимодействий между ними позволит подняться на третий – межтекстовой – уровень.

Литература

1. Аверьянов, А.Н. Системное познание мира: Методол. проблемы / А.Н. Аверьянов. – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.
2. Алексиевич, С. Суд над «Цинковыми мальчиками» (история в документах) / С. Алексиевич // Цинковые мальчики. Зачарованные смертью. Чернобыльская молитва / С. Алексиевич. – М.: Остожье, 1998. – С.186 – 236.

Abstract

В статье исследуются особенности структурной организации документальной прозы С. Алексиевич. Рассматривается вопрос об уровне организации текстов. Особое внимание уделяется функциям заглавий, которые выступают как важный содержательный и структурный элемент